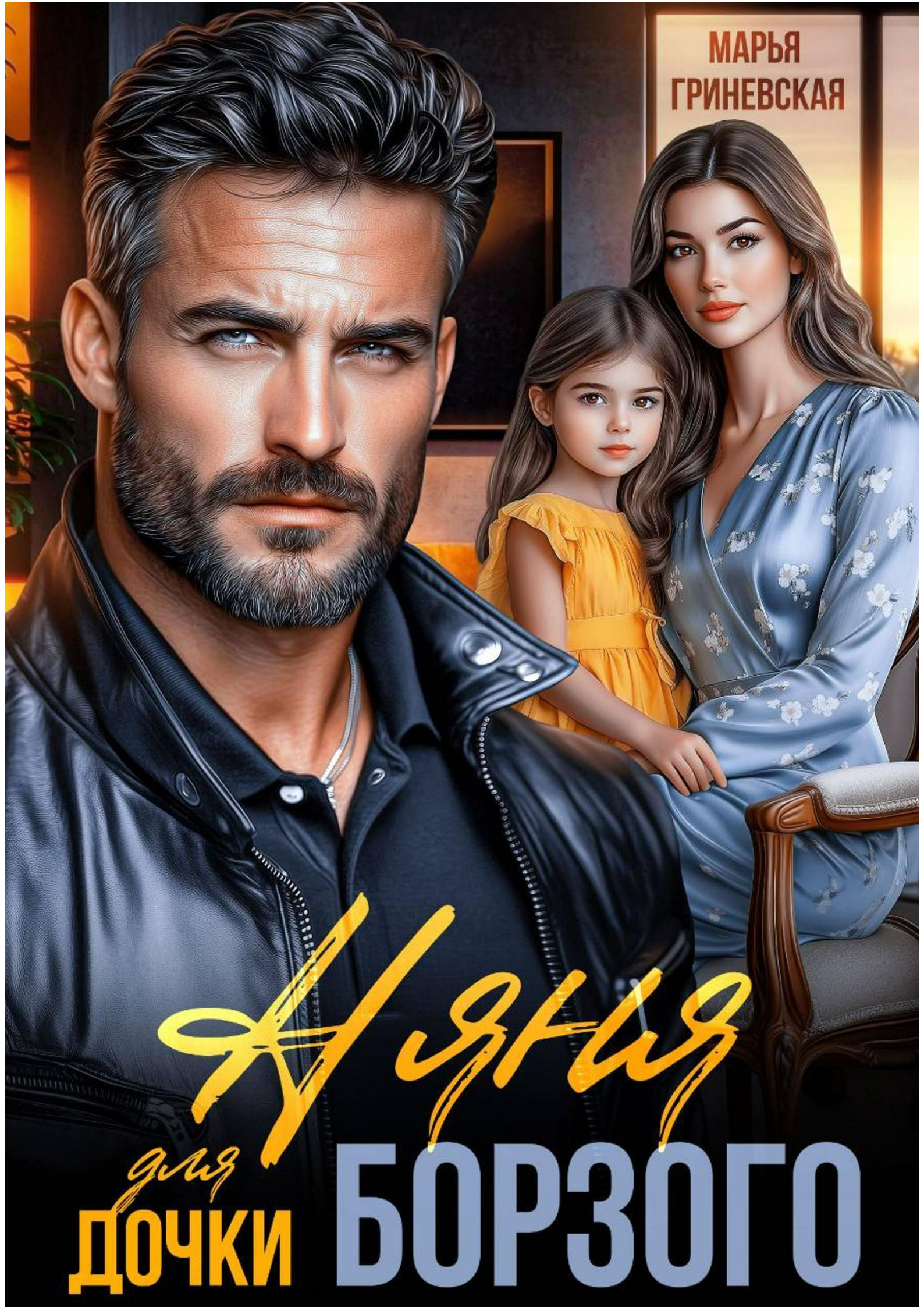

МАРЬЯ
ГРИНЕВСКАЯ

Жизнь
для
ДОЧКИ **БОРЗОГО**

Марья Гриневская

Няня для дочки Борзого

«Автор»

2026

Гринеvская М.

Няня для дочки Борзого / М. Гринеvская — «Автор», 2026

Да! - Отвечаю и предусмотрительно жму на запись разговора. На экране стационарный номер с кодом Новосибирска, а там у меня, как сегодня выяснилось, корешей нет.- Папа! - Звучит из динамика тоненький девичий голосок, и я маленько офигеваю. В одной руке мобила, в другой нож...- Так! - С размаху втыкаю его в разделочную доску. Мозг мне не делай, деточка, денег нет, родни тоже, с ментами сам добазарюсь.- Тоже сирота? убивает своей наивностью девчонка.- Ага, сирота, но мама, папа есть, так что не трать времени, звони следующему лоху откровенно ржу я.- Не могу вздыхает она, а я диву даюсь, насколько наглými стали мошенники.***Каково это узнать что ты отец?А в сорок три?А то, что ребенку уже шесть и это не пацан, с которым все ясно, а девчонка?Я, думал, что могу решить любую проблему. Где надо, силой и деньгами, а где-то мозгами и связями. Только эту ситуацию ни кулаком, ни кошельком не возьмешь, и, кажется, мне впервые потребуется чья-то помощь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марья Гриневская

Няня для дочки Борзого

Пролог

Вика Сомова

- Блин, — выдыхаю, рассматривая расписанные из баллончика рольставни моей детской танцевальной студии.

«Элитная» — самое приличное слово из тех, что сейчас украшают белоснежный металл. Остальное — просто за гранью и с этим надо что-то решать, причем срочно. На часах девять и через полчаса начнут подтягиваться первые ученики, а здесь такое...

Подхожу ближе, тру пальцем кричащую надпись, пробуя соскрести ногтем. Не помогает. Не пачкается, не размазывается и царапин не остается. Хорошая краска, одним словом, на совесть сделана. Немного времени еще есть, и мысленно я уже бегу в ближайший магазин стройматериалов за растворителем и тряпками.

«Нет, лучше за краской, яркой какой-нибудь! Точно» — радуюсь своей находчивости.

- Папа, пап! А что это за слово такое шле... шеле... — раздается за спиной тоненький детский голосок и я понимаю, поздно куда-то бежать.

- А ну-ка, отвернулась, на раз-два — гремит раскатисто, — папа сейчас здесь немного порешает, и домой поедем.

Разворачиваюсь на раз-два, практически выполнив команду, и утыкаюсь взглядом в черную косуху. Поднимаю голову выше, еще выше... дыхание перехватывает, а потом включается инстинкт самосохранения.

«Беги, Сомова!» — вопит внутренний голос, но ноги, как будто врастают в землю, в груди горит, то ли от недостатка кислорода, то ли от тягучего запаха кожи, смешанного с ароматом луговых трав, хвои и кофе.

Меня окидывают оценивающим взглядом, настолько наглым, словно его владелец имеет право на любую выходку и ему все сойдет с рук.

«Фиг вам!» — вздергиваю подбородок и зря, ой как зря.

Попав в капкан холодных, серых глаз, я снова перестаю дышать и замираю. С чего бы? Подумаешь, мужчина. Ну, да, высокий, симпатичный, упакованный, я таких миллион раз в клубе встречала. Богатые, распушенные, вытворяющие в вип-кабинках гадости! Сама я сразу от такого отказалась, даже в договоре с клубом заставила этот запрет прописать, но девочки в комнате отдыха всегда были неприлично болтливы.

- Все ясно — произносит папаша — Беги в машину, Лин, танцы отменяются.

- Ну, папа! Ты же обещал! — дуется девочка, и я радуюсь возможности отвлечься от гляделок ее отцом. Малышка у этого хозяина жизни просто очаровательная. Длинные темные волосы, карие глазки-бусинки и ресницы такие... Я о таких всю сознательную жизнь мечтаю.

«Не в папу, определенно» — отмечаю, как факт.

- Марш в машину, я сказал! — чуть повышает голос мужчина и многозначительно смотрит на исписанные оскорблениями рольставни — это место нам не подходит, Лина.

- Ну отчего же? — встаю на защиту своего детища — не стоит отказывать ребенку в занятиях из-за всяких хулиганов. Сейчас все это уберем...

Я не успеваю закончить пропитанную ложным оптимизмом речь, потому что меня перебивают.

- Слишком информированные и воспитанные хулиганы — мужчина озвучивает то, что мне и так известно — А главное, ни единой ошибки... Выпускники грамматических курсов для гоп... — осекается он — или вуза для особо одаренных сидельцев?

- М-м-м, а вы в теме — смотрю на испорченные ставни, а потом на знатока жизни — Бывалый, значит.

- Борзый — отрезает мужчина.

- Оно и видно — бурчу себе под нос и отворачиваюсь, но этот мистер «я в курсе всего» все слышит.

- Совет на будущее, бесплатный, — произносит голосом, в котором явственно улавливаются раскаты грома — начиная новое, разберись с прошлым, иначе оно будет регулярно подкидывать тебе проблем.

- Спасибо — отвечаю не оборачиваясь и в этот самый момент понимаю, какая я все-таки дура. Нашупываю в кармане пальто ключи и решаю проблему надписей одним легким движением.

Рольставни с грохотом поднимаются, прячутся в коробе, а я становлюсь невольной свидетельницей перепалки между папашей года и его упрямой дочуркой.

- Мы уезжаем, Русалина! — пытается он прогнать девочку, а та изо всех сил упирается, мастерски надавливая на мужские болевые точки.

- Ты обещал! У нас в садике все сюда ходят, я узнавала! Они танец на выпускной готовят, и тетя им помогает, а мне не разрешают танцевать, потому что я не умею ничего.

- Почему ты мне не рассказала? — шепчет папаша, но так громко, что и прислушиваться не надо — Я бы решил все с воспитателем.

Качаю головой, уловив любимое такими вот богатеями «все решил бы». Ну да, у них все просто, и перехожу ко второму окну.

«Я прав, потому что у меня есть деньги» — вот их девиз, и плевать ему, на то, что его ребенок будет в этом самом танце, как корова на льду. Удивительно, что девочка не пошла по его стопам, не топает ножкой в саду, а идет учиться.

Открывая ставни, прячу позорную надпись и прикидываю, что закрашивать все это безобразие лучше всего ночью.

- Ну вот, если не передумали, проходите — оборачиваюсь ко все еще препирающимся отцу и дочери и улыбаюсь.

- Спасибо, но мы... — раздраженно начинает мужчина, но маленькая хитрюшка его опережает.

- Отлично! Пойдем, папа, ты все посмотришь и убедишься, что это хорошие танцы — произносит она и, пока тот стоит и скрипит зубами, быстрым шагом идет к двери.

- Меня Вика зовут, Виктория Сергеевна, а тебя? — я протягиваю руку для приветствия.

- Русалина Дмитриевна — жмет мою ладонь девочка.

- Ого, какое прекрасное имя — не сдерживаюсь я.

- Обычное — влезает в разговор горе-папаша и обращается к дочери: — у тебя пять минут Лина, а потом мы уезжаем. Без вариантов, потому что я так сказал.

Резкий тон, фраза-команда... Даже я замираю в страхе послушаться.

- А мама бы меня поддержала и воспитательница тоже! — внезапно громко выкрикивает девочка — Верни меня обратно в детский дом!

Глава 1

(Дмитрий Борзов) Борзый

Двумя месяцами ранее

- Бывай, Лис! - отбиваю звонок, бросаю телефон и отрешенно наблюдаю, как он скользит по черной мраморной столешнице.

В голове совсем некстати проигрывается попсовая мелодия о том, как поезд мчит кого-то там в сибирские морозы. Терпеть не могу попсытину, до тошноты просто, но проблемы в Новосибе не оставляют шансов. Лететь придется, так что песня в тему.

Беру в руки нож и возвращаюсь к разделке мяса. Ловко расправляясь с рулькой и окороком, наполняю аккуратными кусочками кастрюлю под гуляш, а обрезь и кости скидываю в миску для Беса. У наглой слюнявой морды сегодня будет праздник - мясо без каши.

Увлекаюсь, мысли скачут куда-то вперед: о том, что надо бы яблоки собрать, да в подпол. Не увидишь как, Новый год, гуся запеку... Может Вересова заташу на денек.

Телефон взрывается противной дребезжащей мелодией. Сын ржет надо мной, говорит, смени, а то сразу ясно, что совок, а мне плевать. Пусть там в своей туманной и влажной Англии выеживается как хочет.

- Да! - Отвечаю, и предусмотрительно жму на запись разговора. На экране стационарный номер с кодом Новосиба, а там у меня, как выяснилось, корешей нет.

- Папа? - Звучит из динамика тоненький девичий голосок и я маленько офигеваю.

В одной руке мобила, в другой нож...

- Так! - С размаху втыкаю его в разделочную доску и залипаю, когда вижу, как дерево раскалывается, и широкая трещина ползет все дальше и дальше - Мозг мне не делай, деточка, денег нет, родни тоже, с ментами сам добазарюсь.

- Тоже сирота? - убивает своей наивностью девчонка.

- Ага, сирота, но мама, папа есть, так что не трать времени, звони следующему лоху - откровенно ржу я.

- Не могу - вздыхает она, а я диву даюсь, насколько наглыми стали мошенники. Мало того что детей уже припахивают, так...

Возмущение начинает разъедать едва установившееся спокойствие и я уже собираюсь бросить трубку, как голосок в динамике вновь оживает: «Некому больше, я теперь сирота, а твой телефон на мамином фото нашла».

- Стоп, стоп, ребят - тут же соображаю, что пытаюсь вести серьезный базар с малолеткой - передай трубу взрослым дядям и я им доходчиво объясню, кому они позвонили и куда надо пойти.

- А дядей тут нет, - теряется девочка - есть только Светлана Сергеевна. Звать?

- Зови - я ни хрена не понимаю, но чувствую, что пятью минутами тут не отделаться.

Скрючившись, зажимаю мобилу между ухом и плечом, и мою руки. Машинально вытерев насухо каким-то подвернувшимся тряпьем, я выхожу в гостиную.

- Здравствуйте - голос бабский, взрослый и у меня срабатывает чуйка, что не лохотрон это. Тут же гоню эту ересь из головы. Потому что если это не левый развод, то стопудово те, кто нам с заводом подложил свинью.

- С кем имею честь? - падаю на диван и откидываюсь на мягкую спинку.

- Светлана Сергеевна, воспитатель Лины, а вы?

- Ну, раз вы меня набрали, наверняка в курсе кто я? - пытаюсь поймать тетку на вранье.

- Не совсем. Дело в том, что Линочка к нам неделю назад попала. У нее мама погибла и мы пытаемся найти родственников. Таковы правила.

- Так и ищите, я то тут при чем? - раздражаюсь от приторного официоза. Чувствую себя, словно в полицейском участке очутился.

- Мы ищем, но Лина сегодня случайно разбила рамку с фотографией мамы и там, на обратной стороне фото был ваш номер.

- И? Не вижу связи? - Вспениваюсь, как небезызвестный напиток и почти бросаю трубу.

- Там написано: папа Русалины и ваш номер - раздражается в ответ тетка.

- Афигеть! - вскакиваю с дивана и подхожу к панорамному окну - это все? Номер?

- Нет, еще написано что отца зовут Борзов Дмитрий Ал... Ал... - воспиталка запинается, пытаюсь прочитать отчество.

- Алексеевич? - Спрашиваю и впиваюсь взглядом в хромированную решетку стоящего во дворе гелика.

- Да, точно, Борзов Дмитрий Алексеевич! - Радуетса Светлана Батьковна, а я уже ничего не втыкаю...

- Какого ху... Хулио Иглесиаса?! - срывается с языка, но тетка на том конце тут же встает в оборону.

- Дмитрий Алексеевич, я попрошу вас не выражаться - в динамике раздается звук ее шагов и хлопок двери - Лина - ребенок домашний и очень переживает потерю матери. Ей тяжело здесь, детей много и не все... скажем, так, из благополучных семей. Вы бы приехали, познакомились, может...

- Я подумаю - рывкаю в трубу и сбрасываю звонок.

Хочется швырнуть телефон, и я еле сдерживаю себя, потому что передо мной стекло, толстое, но не бронированное. Поигрываю мобилой, покачиваю, верчу пальцами, а потом срываюсь.

- Собачья мать! - разворачиваюсь и со всей дури бросаю телефон в диван.

Ощуцаю себя Иванушкой-дурачком из русской-народной сказки, потому что в душе никак не любитса вся эта инфа.

Дохожу до кухни, цепляю собачью миску и топаю на задний двор. Успокоюсь, сопоставлю факты и вспомню...

«Вспомнишь, ага, - ржет внутренний голос - к Новому году как раз и закончишь всех своих баб вспоминать».

- Должна быть зацепка, всегда есть - затыкаю умника, и толкаю дверь плечом.

- Бес! - ору с крыльца, и тут же получаю мощную отдачу дверью в руку.

Перебирая мощными лапами и раскидывая слюни по ветру, пес летит ко мне. Хорош, чертяка. Не зря Вересов припер его, истинный кавказец.

- Ну иди, иди, морда наглая, жри, пусть хоть у тебя сегодня будет хорошее настроение.

Пес, лизнув для порядка мою руку, принимается с подкидом есть мясо, а я сажусь на ступеньку и пялюсь на сад.

«Если все это не подстава от конкурентов, то... Разбираться надо - выношу вердикт. Девочка говорит сносно, значит ей?»

Да, не знаю, сколько ей. Я сына-то лет до пятнадцати помню пятнами. Так что надо звонить этой воспиталке и для начала выяснять возраст девочки, потом возраст и фамилию матери, ну все, что у нее там есть в документах выяснять.

- Светлана, Светлана... - пытаюсь вспомнить отчество и не получается. - Фиг с ним. Пусть все прийдет, а мои спецы проверят каждую буковку, и если соврала, а я уверен, что соврала, то хана тебе, тетя Света!

Глава 2

(Дмитрий Борзов) Борзый

Документы с новосибирского детдома не высылают уже три дня. Сначала согласились, обрадовались, а потом стали подозревать во всех смертных.

«А кто вы? А как же защита данных? А скиньте паспорт? А он точно ваш? А как вы докажете, что вы, это вы?»

Мне даже в полиции столько вопросов никогда не задавали, а тут прорвало и завертело по кругу. Казалось бы, плюнуть и растереть, своих проблем хватает, но неугомонный перфекционист-параноик внутри меня никак не дает это сделать. Вместо того чтобы ехать в автосалон и разбираться с жалобой очередного идиота, я набираю номер воспиталки и делаю еще одну попытку поговорить: «Светлана?».

- Добрый день, Дмитрий — приветствуют она, а я мысленно шлю в знаменитое место ее расшаркивания.

- Я хорошо подумал и предлагаю вам вот какой вариант: — сразу перехожу к сути — вы высылаете мне данные на мать девочки и ее фото. Эта информация уже никому не навредит.

Молчание на том конце провода затягивается, в другой ситуации давно бы сбросил звонок, а не слушал, как где-то в далеком Новосибирске щелкает ручка, что-то хлопает, а потом раздается страдальческий вздох. Ну да, ну да куда же без этих бабских штучек.

- Я жду? — уточняю, намекая, что если она переживает о судьбе девочки, то могла бы быть порасторопнее.

- Да, я сейчас отправлю в мессенджере. Или как вам лучше? — подключает мозги тетка.

- Без разницы, главное не с голубями, тогда точно не дожусь — отвечаю едкую шуточку и отключаюсь.

Крепость пала, и я, стащив из вазочки самую желтую Антоновку, покидаю дом и иду к машине. Пока еду в салон, ем яблоко, звоню Лису по новосибирским делам, дергаю своего юриста, Тулякову звоню, чисто ради «здрате», но тоже надо.

В салоне суета.

Нет, я тоже нервничаю, не каждый день в клиентах такие редиски попадают, но если бы лебезил перед каждым — лебезилка давно отвалилась.

- Добрый день, есть вопросы лично ко мне? - протягиваю руку представителю власти и киваю недовольному клиенту за его спиной.

- Жалоба поступила, что претензию не принимаете — тычет мне в морду свою корочку полицейский.

Выхватив главную информацию, расстегиваю пиджак и пихаю руки в карманы брюк: «Почему же не принимаем, принимаем, но не удовлетворяем».

- Вы продали брак и по закону должны вернуть мне деньги! — твякает мужичок, и тут же ловко сигает за спину оперуполномоченного Севрюкова.

- Что по закону должны, то по закону и вернем. Машина каталась? Каталась. Плановое техническое обслуживание по договору вы пропустили. Поэтому сдаем авто на экспертизу и ждем, что покажет.

- Ну... — оперуполномоченный разводит руками, мол понимает, но...

- Жезл погну! — отрезаю и киваю в сторону спешащего к нам юриста — если экспертиза покажет, что машина бракованная — покаюсь и верну бабки. А нет — пусть этот ездок сам с ней бодается.

В салоне сидеть больше нет смысла.

Жестом показываю администратору, что буду на связи и еду в загородный ресторан к Лису. Все эти внезапные звонки и открытия однозначно не к добру и если тот звонок окажется

не разводом, и воспиталка все-таки скинет данные на непутевую мамашу, Лис — единственный, кто сможет быстро нарыть на нее информацию. На то он и Лис.

Телефон пищит, как только я сворачиваю с трассы в сторону закрытого коттеджного поселка. Сбавив скорость, беру мобильник и, разблокировав экран, открываю список уведомлений. Первым тычу в то, что пришло с незнакомого номера и бинго! Попадаю в точку. Выхватываю основные данные: «Мелихова Ирина Андреевна, девяносто пятого года рождения, проживала в Новосибирске».

Отрываюсь от текста и пробую воскресить в памяти всех Ир, которых когда-либо знал, но вот засада, их не так много и все они не из Новосибирска.

«Роем дальше» — возвращаюсь к телефону и ловлю фото. Не очень четкое, потому что переснимали с бумаги — это минус, но на фотографии рядом с женщиной я вижу маленькую девочку — это плюс.

«Совсем на тебя непохожа — моментально выносит приговор внутренний голос и тут же на позитиве добавляет — А может, и к лучшему?»

Решив, что он прав, девочке с моей рожей пришлось бы несладко, рассматриваю фото женщины.

- Ира, Ира... — увеличиваю картинку и проваливаюсь в прошлое — Ирэн! Черт!

Восемь лет назад. Я, братва, Новосибирск...

Уже не молодые, но такие же дурные. Мы тогда приехали завод отжимать, вернее, его сначала отжали у нашего друга, а мы прилетели разбираться.

Помню, как лихо рекорд по стрелкам поставили: семь за день. Порешали все, без лишнего шума и вечером завалились в клуб все это отметить. Думали, посидим и домой, а зависли на три дня. Просто ушли в отрыв. Тогда я и познакомился с ней, с Ирэн. Она работала в клубе и танцевала так, что я не устоял. Я ее весь вечер ждал, даже протрезветь успел. Как ее смена закончилась, сгреб в охапку и увез в гостиницу.

То, что между нами было, иначе как снос башки не назвать. Я ее даже в столицу с собой забрать хотел. Воображал себя благородным рыцарем, спасающим Золушку от злого владельца клуба. Пацаны ржали в голосину, а мне было не до смеха, я горел.

Загорелся и сгорел, как соплик. Однажды пришел к ней в клуб без предупреждения и застукал ее на привате с клиентом.

И все...

Оправдания, что работа у нее такая не принял, послал подальше и улетел, а оно вон как обернулось...

В полном раздразе торможу у ресторанного комплекса с говорящим названием «У Лиса».

«Зачем? Почему не позвонила? Зачем оставила?» — вопросы барабанят без перерыва, и, чтобы как-то совладать с собой, я обнимаю руль и утыкаюсь лбом в теплую, кожаную оплетку.

Глава 3

(Дмитрий Борзов) Борзый

Второй час сижу на крытой веранде загородного развлекательного комплекса и пялюсь в окно на заляпанное рваными серыми облаками небо. Разговор предстоит приватный и Лис предусмотрительно закрыл эту часть ресторана на ВИП-обслуживание.

Робкий стук в дверь и в тот же момент на веранду, как тень втекает официантка в строгой черной форме и переднике. Волосы словно клеем вымазаны и зачесаны назад, а на бледном лице нет ни грамма косметики.

«Застроил всех Лис» — ухмыляюсь я, пока наблюдаю за отточенными движениями девушки.

Тарелка со стейком под невыговариваемым соусом и горой травы беззвучно опускается на стол. Рядом ложатся чехольчики с золотым тиснением с приборами, салфетка, бокал с водой, графинчик с чем-то ядреным... Все магическим образом, оказывается, на своих местах.

Умеет Лис, и удивить, и порадовать, но не сегодня.

Смотрю на весь этот гастрономический натюрморт, а жрать совсем не хочется. Потому что впервые в жизни в душе не налюбуюсь, что дальше делать и спросить не кого.

Официантка исчезает за дверью так же незаметно, как и появилась, а я продолжаю пялиться в окно.

«Откатить бы все взад — вспоминаю любимую фразу сына и улыбаюсь — у меня по ходу уже откатило и именно туда, куда надо».

- Че хмурной такой? — голос Лиса заставляет вздрогнуть.

- Еще один ниндзя — ворчу, окидываю друга недобрым взглядом.

- Ниндзя? — ржет он.

- Не слышно, не видно вас — поясняю, наблюдая, как Лис цепляет ротанговое кресло и тащит его к столу.

Счастливый. Живет на природе, забил на все, раздобыл, а, помнится, лет пятнадцать назад мы с ним на пару железо в подвале тягали и кубиками мерились.

«Время бежит — грустно отмечаю про себя — и в этом полысевшем мужике в домашней футболке и трениках того старого Лиса почти уже не узнать».

- Я по Новосибу все пробил, — отчитывается он. - Нашел кто за нас встанет, так что можешь не лететь сам. Не тот уровень.

- Мне все равно надо — качаю головой, беру бокал с водой и делаю глоток.

- Хм — друг двигается поближе к столу — я что-то не знаю?

- Жизнь иногда подкидывает сюрпризы — жму плечами и, глядя, как друг достает из бархатного мешочка приборы, невольно повторяю за ним.

- Расскажешь? - Лис задает вопрос, а сам в это время проходится лезвием по сочному стейку.

- Покажу, но сначала давай подробности по заводу.

И Лис выдает эти самые подробности длиною в полтора часа. Четко, с анализом, цифрами и именами того, кто за этим стоит. Рассказывает с таким запалом и шутками, что я на время забываю о своих проблемах и просто слушаю старого друга и ем.

- Ну а у тебя что в Новосибе? — спрыгивает с темы Лис.

- Сейчас — тянусь в карман пиджака за телефоном и, активировав экран, открываю переписку с воспиталкой.

- Это? — брови у Лиса взлетают, он тычет пальцем в телефон, всем своим видом показывая, что без подробностей не уйдет.

- Ирина, мать девочки с фото. Говорят, погибла — жму плечами, за что купил, как говорится — девочка сейчас в детском доме. Ирину я знал, пересеклись-расстались, я уехал. Лет семь назад дело было. Так вот, три дня назад мне позвонила вот эта сама девочка с фото и сказала, что я ее папа.

- Развод — отталкивает мой телефон Лис и мотает головой — Я, конечно, пробью, но больше даже из-за заводской заварушки, мало ли. Но дети... Кто в своем уме будет от залетного рожать?

- Ты пробей — вздыхаю я — если по датам все совпадет, то поеду тест делать, а там уже решу.

- Забудь, уверен, что мимо все — отмахивается Лис, но сам старательно пересылает на свой телефон все данные.

Вика Сомова

- Девочки мои, соберитесь, еще десять минут до конца занятий, работаем в полную силу. У меня малыши вечером, так что остаться дополнительно не получится.

Я хлопаю в ладоши, обозначая новый прогон, а сама подхожу к окну. Вот уже третий день мне не дает покоя стоящая на той стороне улицы машина. Обычная на первый взгляд, даже пошарпанная местами, но цепляет она меня не поэтому.

В ней всегда сидят два парня.

Сидят, смотрят на мои окна, иногда выходят подышать и, оперевшись на капот машины, не сводят глаз с моих окон.

Сначала я подумала, может, старшеклассница какая-то понравилась, или чей-то знакомый, но мои девочки уходили, мамы приводили малышей, а эти двое так и оставались в своем темно-синем седане.

Вот и сейчас сидят. Слушают музыку, смотрят в окно, что-то обсуждают и смеются, а мне не до смеха. Нервы начинают сдавать, и я решаюсь. Машу девочкам, чтобы продолжали, а сама выскакиваю в холл, дергаю с вешалки плащ и выхожу на улицу. Пропихивая руки в рукава, быстрым шагом иду напрямик к машине. Прятаться нельзя, надо подойти и все выяснить, показав, что я не какая-нибудь забитая мышь. Ступаю на проезжую часть и иду, игнорируя сигналы раздраженных водителей. Еще бы, переход в тридцати метрах левее, но кто не рискует?

- Привет, мальчики — останавливаюсь напротив приоткрытого окна и, запахнув плащ, складываю руки на груди.

- Здравствуйте, — нагло улыбаются парни и ничего не говорят, словно это я третий день сижу в тачке и всех нервирую.

- Потеряли кого-то или сами потерялись? — выдавливаю дежурную улыбку, чем вызываю у парней приступ смеха.

- А ты ничего, такая, смелая — отвечает тот, что сидит за рулем — раз так, вот тебе номер. Звони и договаривайся с хозяином.

- О чем? — смотрю ошарашенно то на парней, то на визитку, что мне так настойчиво пихают в руку.

- Позвони и узнаешь — влезает в разговор второй. Его почти не видно, он сидит на пассажирском сиденье, и все, что у меня получается рассмотреть — это черные кожаные брюки.

Пока я пытаюсь разобрать цифры на визитке, пацаны поднимают стекло и с пробуксовкой стартуют, оставляя за собой клубы пыли и запах жженой резины. Они просто уезжают, оставляя меня одну. Мимо пролетают машины, а я стою на обочине с куском черного картона и смотрю на свою студию. Девочки танцуют, смеются, а я...

Запускаю руку в карман, достаю мобильный и набираю цифры с визитки. Больше на ней никакой информации нет.

Глава 4

Вика Сомова

Я долго слушала гудки, но мне так никто и не ответил. Какие ко мне претензии? Правильно, никаких!

«Я пыталась» — прячу телефон в карман и не спеша иду вдоль дороги к пешеходному переходу. Безумство и отвага, бурлившие в крови, угасли, и бросаться под колеса машин как-то сразу расхотелось.

В студии продолжают тренировки, а в холле, под строгим контролем мамочек, уже повсюду веселятся малыши.

- Здравствуйте! — летит со всех сторон, как только я открываю дверь.

- Здравствуйте, мои хорошие! — улыбаюсь, чувствуя, как растворяется сжавшаяся тугим комком в груди тревога.

Телефон вибрирует именно в этот момент. Словно за мной все еще наблюдают, выверяя время для нового удара. Номер я узнала сразу, тот самый, с визитки, и если бы не обстоятельства, то никогда бы на него не ответила.

«Игнорировать угрозы нельзя» — звучит в голове, как назидание. Извинившись, я выхожу на улицу и принимаю звонок.

- Да.

- Виктория Сомова? — спрашивают неприятным, шелестящим голосом.

- Слушаю вас — произношу как можно тверже.

- Я представляю компанию «Бьюти Сезон», мы сейчас активно расширяемся и хотим выкупить у вас помещение — сообщает казенный голос и я не сразу понимаю женский он или мужской.

- Помещение не продается — перебиваю говорящего и очень надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы закончить неприятный разговор.

Ветер усиливается, а я на нервах выскочила на улицу без плаща. Разворачиваюсь к ветру спиной, и свободной рукой обнимаю себя, пытаюсь согреться.

- Мы предполагали такой ответ, но со своей стороны будем вынуждены настаивать. Сейчас в наших силах предложить вам хорошие отступные, а завтра, как знать... Голос остается беспристрастным, но смысл сказанного от этого становится еще ужаснее. Мне угрожают. Завуалировано, тонко запугивают, но даже если я запишу наш разговор, вряд ли смогу что-то доказать.

В груди снова закручивается и сжимается тревожный комок.

- Пятьсот тысяч, Виктория.

- Смеетесь? — вырывается у меня. - В этом районе столько стоит гараж, причем не самый хороший. У меня ремонт в студии дороже!

Собираюсь завершить звонок, но голос, в один момент потерявший всю былую благожелательность, продолжает.

- Это очень щедрое предложение, Виктория, и действие его ограничено. Подумайте, мнение иногда меняется, появляются особые обстоятельства. Дети, опять же, они такие маленькие и беззащитные, и их родители будут очень недовольны, если что-то будет... мешать их благополучию.

- Вы мне угрожаете?

- Что вы! Ни в коем случае, мы предлагаем. Подумайте над этим предложением до завтра, а то, знаете ли, случайности, они такие. Они просто случаются.

В ушах звенит. Улица, мчащиеся по дороге машины, покачиваются, а потом и вовсе несутся куда-то, словно на карусели. Чтобы удержаться в этой круговерти, я вытягиваю руку

и касаюсь ладонью спасительной стены. Теплый шершавый камень царапает кожу, отвлекая от звучащего в голове голоса: «щедрое предложение, случайности, маленькие и беззащитные».

- Да, кто они такие — шиплю, прикрыв глаза — думают девяностые на дворе? Думают, испугаюсь?

Дмитрий Борзов (Борзый)

- А что нельзя было как-то по отдельности? Сначала я, потом ребенок? — нервничаю, стоя в холле лаборатории.

- Нет, по регламенту, анализы сдаются одновременно в присутствии сотрудников и представителя ребенка — гундосит юрист занудным голосом.

Закатываю глаза, подкручиваю рукава футболки и отхожу к окну, поближе к кондиционеру. В Новосибирске сегодня жарится, и в идеале, сейчас бы зависнуть где-то на природе, а не здесь. При мыслях о природе перед глазами сразу всплывает логово Лиса, его ресторанчик... Давлюсь, собравшейся во рту слюной и обещаю себе после дурацкого теста перехватить где-нибудь шашлыка.

«Это было бы классно! — отзывается внутренний голос. - Жаль, что нельзя быстро сдать тест и уехать».

Вот, по сути, объясните мне, тупоголовому, зачем нам встречаться? Логично было бы не видеться с девчонкой, пока не увижу результатов, потому что ткнуть пальцем в любого мужика и сказать, что он отец — проще пареной репы.

А если соврала?

Запросто, с Ирен спросу сейчас никакого, зато я — вот он. Помаячу перед девчонкой, а окажется, что я многолетнее растение семейства крестоцветных с горы и все... Что говорить? Разводить руками, мол, мамашу свою спрашивай, кто там на самом деле отметился?

- Здравствуйте — тихий голосок рвет натянутые до предела нервы.

- Здравств... — хриплю, оборачиваюсь и все. Договорить не получается, потому что на меня смотрит девчонка. Смотрит с надеждой. Мелкая, худенькая, а глазищи размером с блюдце.

«Карие, как у Ирен — взрывает остатки самообладания, и я ругаю себя последними словами, что повелся на все эти протоколы и условности. - Надо было плюнуть в пробирку и бежать».

- Дмитрий Алексеевич? — голос воспиталки воспринимаю, как спасение. Отрываю взгляд от девичьей фигурки и смотрю на ту самую Светлану, что мне неделю мозги делала.

- Светлана? — возвращаю вопрос с ухмылкой, но на деле, просто неспособен сейчас на больше.

Мы сканируем друг друга взглядом: я — тетю Свету, она меня, а мелкая своими глазищами во мне дыру прожигает. Я ее взгляд кожей чувствую, и он заставляет мою сдохшую в девяностых совесть восстать из мертвых и это офигеть, как не к месту.

- Пройдемте? — разбивает наши гляделки юрист и дальше, как в плохой пьесе, сцена без слов.

Стерильная лаборатория, механические движения медсестры, палочки, ершики и все, свободен. Меня еще немного задерживают, заставляют расписываться, попутно рассказывая о дате готовности теста, а вот мелкую, к счастью, уводят сразу.

В груди разливается спокойствие, но все летит к чертям, когда до меня доносится такое простое, но пропитанное детской тревогой: «До свидания!»

Глава 5

Вика Сомова

Телефонный разговор еще долго не давал мне покоя, и, чем дольше я думала о нем, тем больше приходила к выводу, что все это не развлечение местной шпаны, это серьезно и надо собраться и искать выход.

Всю ночь, вместо того, чтобы спать, я крутилась в кровати и к утру придумала тысячу вариантов, как отстоять студию. Может, это звучит наивно, но все они начинаются со звонка в полицию. Мне почему-то хотелось верить, что в наше время нельзя вот так просто прийти и отобрать у человека его собственность. А студия моя. Я купила ее, отремонтировала и весь год исправно платила коммунальные платежи и налоги, а значит, закон на моей стороне.

- Должен, черт возьми, быть на моей! Просто так я не сдамся! — подвожу итог и, шлепнув по кнопке чайника, ставлю точку.

Пока вода не закипела, нахожу в телефоне сайт местного отделения полиции и номер участкового и набираю его.

- Слушаю, — раздается из динамика, спустя полчаса бессмысленного общения с голосовым помощником и переключений.

Я стараюсь говорить по существу. Озвучиваю только факты, рассказываю, что за мной следили, и даже номер диктую, с которого мне потом позвонили.

- Я их запомнила и смогу опознать, — выкладываю последний аргумент и замираю, в ожидании поддержки.

Но в динамике тихо. На том конце выдерживают практически театральную паузу, а потом, тяжело вздохнув, произносят: «Виктория... понимаете... Это всего лишь звонки. Вот вы говорите, что вам угрожали, а я услышал лишь неявные намёки. Да, попытались надавить, но они могут так и не перейти к действиям. Вы, конечно, можете написать заявление. Но... наше вмешательство будет... формальным. Состав преступления нет».

- Но это же явная угроза, — настаиваю я. - У меня занимаются дети, помещение в собственности, все документы в порядке. - Я продолжаю закидывать участкового фактами, искренне не понимая, почему полицейскому это кажется ерундой. - Они так и сказали, что случайности случаются, понимаете?

- Девушка. Виктория, кажется? — еще раз устало вздыхает мужчина.

- Сомова — зачем-то добавляю я.

- Виктория Сомова, — полицейский делает паузу. - Понимаю ваши опасения, но все, что вы описали, тянет на мелкое хулиганство, не более. Ну посидели парни в машине около вашего салона, ну позвонил кто-то, требуя продать студию, — все?

- Но они же ждут ответа? — совсем теряюсь я.

- Ждут и, скорее всего, позвонят вам. А вы скажете им все, что только что сказали мне: про закон, собственность и откажетесь.

- Думаете, поможет? — я упираюсь бедром о подоконник и растерянно смотрю в окно.

- А попробуйте и посмотрите на реакцию. Если будут настаивать и перейдут к конкретным действиям — звоните. Приеду, приму у вас заявление и будем разбираться. А так... ну найдем мы их и что? Накажем, за использование мобильного? Они же откажутся от каждого сказанного слова, а посиделки в машине и вовсе спишут на встречу с друзьями.

Участковый прощается и завершает звонок, а я еще долго прижимаю телефон к уху и слушаю гудки. Все мои гениальные планы рассыпаются в прах, а я стою и смотрю, как соседский мальчишка во дворе играет с собакой. Бросает ей палку, а та, вне себя от радости несется за ней, наплевав на клумбы и ограждения.

Жму на красный кружок на экране мобильного и кладу его на подоконник.

«Чего ты удивляешься, Сомова? Ты же знала, что рассчитывать можно только на себя?» — не добавляет оптимизма внутренний голос.

- Знала, — вздыхаю и иду заваривать чай, а в груди потихоньку зарождается буря.

Я столько лет шла к своей мечте, копила, брала кредиты, и, когда все наконец-то получилось, приходят какие-то отморозки и требуют все им подарить?! Серьезно?! Ну уж нет, за свою мечту, за девочек, что поверили в меня, я горы сверну!

В таком боевом настроении я и переступаю порог студии. Надеваю свой лучший костюм для танцев, собираю волосы, высокий хвост и улыбаюсь отражению в зеркале. Пока звучит музыка, пока ко мне идут люди, я буду бороться.

- Начинаем с разминки на счет раз, два, три! — хлопаю в ладоши, и зал наполняется сосредоточенным сопением и ритмичными шагами.

Девочки отрабатывают связки, учат новые. У кого-то получается сразу, кто-то пытается хотя бы попасть в ритм, и я стараюсь помочь каждому.

Звонок телефона раздается в самый разгар тренировки.

Я подхожу к подоконнику и, промокнув влажный лоб и шею, смотрю на экран. Тот самый номер.

Разговаривать не хочется. Возможно, та Вика, что много лет плыла по течению, и жила в обшарпанной общаге на краю города, так и поступила бы. Сбежала, закрыла глаза и уши...

Но не я!

Извинившись перед девочками, я выхожу из зала и плотно закрываю дверь.

- Слушаю — произношу громко и уверенно, но мне никто не отвечает. Я вслушиваюсь в тишину и с ужасом понимаю, что именно в этой тишине растворяется моя уверенность. - Я слушаю вас, говорите!

Слова звучат громко и даже немного грубо, но важно другое — мне отвечают.

- Виктория, вы приняли решение? — слышу знакомый обезличенный голос.

- Свое решение я вам уже озвучила. Студия не продается. Можете это передать своему начальству.

- Очень жаль. Вы совершаете ошибку, упуская наше щедрое предложение.

- Я не нуждаюсь в щедрых предложениях, — убрав телефон от уха, отвечаю четко в динамик. - Просто оставьте меня в покое. Вы зря теряете время.

На той стороне коротко без эмоций усмеваются: «Время покажет, кто его теряет».

Звонок обрывается. Я стою в пустом холле, с телефоном в руках и слушаю, как в зале звучит музыка, как девчонки смеются и спорят о чем-то. Там кипит жизнь, и я горжусь тем, что смогла дать отпор. Только одновременно с гордостью, где-то глубоко внутри меня зарождается навязчивое чувство, что это не конец. Я бросила им вызов, и они приняли его.

Тревога, тугой пружиной сжимается в груди и не отпускает весь день, а вечером, поступает первый звоночек: ловлю на себе странные, извиняющиеся взгляды родителей, слишком торопливо одевающих своих чад. Одевают, наскоро прощаются и сбегают. Пара мам, сославшись на неотложные дела, отказывается от чая, которым я всегда угощала их после занятий.

«Показалось», — успокаиваю себя, пока убираюсь в студии и закрываю ее, но утром странности продолжают.

В десять не приходит Олеся с дочкой. Звонит и сообщает, что у них поменялись планы. Потом отзванивается еще одна клиентка и отказывается от занятий. Им, видите ли, внезапно становится неудобно добираться. К полудню я получаю пять таких звонков. Причины у всех, как под копирку, надуманно-уважительные.

Половина группы просто испарилась.

Совпадение?

Вряд ли. Скорее чей-то продуманный план, и цель — мой бизнес.

Нет клиентов — нет денег, но только не у меня.

Я касаюсь экрана телефона и набираю заведующую детским садом. Она давно звала меня на подработку, и, видимо, пришло время согласиться.

- Здравствуйте, Ольга Михайловна, ваше предложение по занятиям в силе?

Глава 6

(Дмитрий Борзов) Борзый

Музыка орет, по бокалам разливают непонятное пойло, а я в каком-то коматозе. Ничего не хочу, все бесит.

- Харе дымить! — рывкаю на Лиса.

- Чего орешь, как подорванный! — огрызается он, подпрыгнув, и я задаю себе тот же вопрос.

«С фи́га ли я нервный такой?»

Вопрос с заводом решен. Ну как, решен, недовольные остались, но ресурсов у них, чтобы быть открыто недовольными, нет. Пакостить будут, куда же без этого.

«Девчонка?» — внутренний голос вовремя подбрасывает дровишек моему мозгу.

А что с ней?

Как говорится, будет готов тест, будем подумать.

- Сыч не уgomонится, — обиженно хмурится Лис. - Решать что-то надо.

- Решим, — растираю руками ноющую шею.

- А с девчонкой, что думаешь делать? Если твоя?

- В душе не знаю, — запрокидываю голову и прикрываю глаза. Прохладная обивка диванчика приятно холодит кожу, и боль постепенно отступает.

Надо бы до костоправа дойти, посмотреть что и как. Чуть шевелю головой и морщусь от противного хруста.

- Не, дети — это хорошо, — развивает тему Лис, — но что с ними делать я понятия не имею. Живешь себе, проблем не знаешь, а тут бац и девка у тебя в доме. Как с ней обращаться?! Чуть поворачиваю голову, чтобы видеть друга, и продолжаю слушать.

Прав Лис, с пацаном как-то понятнее было бы, а тут нужно будет нанимать няньку и домработницу, а это, как ни крути, два чужих человека в доме.

«Три, девчонку забыл!» — вклинивается мозг, и я не могу с ним не согласиться. Если только в одном лице и няню, и домработницу найти. Этот вариант мне нравится больше, но таких сейчас не выпускают.

- Чего молчишь? — не отлипает Лис.

- Думаю, — снова отворачиваюсь от друга и прикрываю глаза. - Сыча надо из игры выводить. Внедри к нему крысу, или подкупи кого-то из окружения, и как только пойдет вразнос — действуем.

- Принято, — рапортует Лис, а я, понимая, что не радует ничего, ни клуб, ни музыка, ни танцульки, поднимаюсь с дивана и, хлопнув друга по плечу, сваливаю.

Тишины хочу, без всей этой суеты и шума, а еще пельменей. Последнее вот прямо позарез, сдохну, если не съем.

Сажусь в первое попавшееся такси возле клуба и катаюсь по городу. Пельмени я все-таки нахожу. Не те, что хотел, рыбные, и по цене ракетного топлива, но вполне сносные.

Огромные глаза официанта, когда сгреб три порции пельменей в одну тарелку, я запомню навсегда. Ну а что он хотел, я не поскучать к ним пришел, не даму выгулять, а поесть. Семь пельмешек, пусть и с форелью, для нормального русского мужика не еда, так, желудок раздраконить.

Поел, оставил щедрые чаевые, на случай, если парню с глазами помощь специалиста понадобится, и вернулся в отель. В лаборатории сказали, что результат теста будет через неделю. Три дня уже прошло, осталось два, а там...

Понятия не имею, что там, и пока я ломаю голову, наступает тот самый день Икс.

В последнюю ночь, перед днем оглашения результата я почти не сплю. Меня, как Каштанку мотаает из стороны в сторону, и я то пытаюсь вспомнить, как там было с сыном, трудно или терпимо, то убеждаю себя, что девчонка не моя и все трепыхания, так, свист в пустоту.

Сквозь мутные стекла гостиничных окон начинают пробиваться первые лучи солнца. Сентябрь щедро раздает последние погожие деньки, и я решаю прекратить издеваться над собой, все равно уже не усну.

Наспех привожу себя в приличный вид и вызываю такси.

От гостиницы до лаборатории всего пара кварталов, но по пробкам и с мудреными разворотами премся до нее целых полчаса. Бешусь, на каждом светофоре и еле сдерживаюсь, чтобы не выскочить из машины и не пройти пешком. Зато когда среди серых типовых многоэтажек мелькает что-то с намеком на современность из стекла и бетона, я уже готов расцеловать сонного таксиста.

Вот только радость от того, что наконец-то добрался, мешается с чем-то мрачным и тяжелым.

«Может, ну его? Купить билет и в столицу?» — робко предлагает внутренний голос, а я отмахиваюсь от такого простого решения.

Начал — доведу до конца, иначе сам себя уважать перестану.

- Борзов, за результатом. - Твердо озвучиваю, облокотившись на стойку администратора, и голос эхом прокатывается по пустому холлу.

- Паспорт?

Растерянно шлепаю руками по карманам куртки. Если забыл, то второй такой поездки я не вынесу.

- Фух! — выдыхаю и кладу паспорт на стойку.

Девушка уходит, а я остаюсь стоять в пустом зале. В кабинете слева приоткрыта дверь и слышится тихий разговор. Слов не разобрать, поэтому я продолжаю осматривать бледно-голубые стены, увешанные скучными фотографиями, улыбающихся пар. Зацепившись взглядом за одну из них, вижу пацаненка, что как две капли воды похож на моего сына, и ловлю нехилый такой флешбек.

- Пап, я не зачинатель! — топал ногой Максимка. - Они у меня велик отобрали и сбросили его в овраг с крапивой.

Как доказательство, сын показал мне покрытые волдырями руки и разбитые коленки, а я пришел в ярость. Я тогда при матери отчитал его, наговорив ерунды, про то, что не все можно решить кулаками и надо уметь договариваться.

Отчитывал, а самому противно было.

Поэтому, приехав на следующий день и забрав его к себе с ночевкой, поговорил уже нормально, по-мужски, объяснив, что иногда навалить обидчику — единственный рабочий вариант.

Максу зашло, а его мать потом со мной месяц не разговаривала. Молча выводила сына и с видом принцессы из страны розовых пони, хлопала дверью.

- Ваш паспорт и результат анализа — администратор возвращает на стойку документ, а потом протягивает мне запечатанный конверт.

Забираю и, не глядя, прячу во внутренний карман куртки.

Знаю, надо открыть и посмотреть, я ведь за этим сюда прилетел, но что-то останавливает.

Вываливаюсь на улицу и вдыхаю обманчиво теплый воздух, а в голове проносятся яркие картинки воспоминаний: мое деревенское детство, смеющийся сын с мороженым и девчонка, с надеждой в глазах...

Руки делают все сами: вук рвущегося конверта и хруст аккуратно сложенной плотной бумаги. Пропуская умные названия и гору цифр, взгляд выхватывает жирную строчку: «Вероятность отцовства...»

Сердце на секунду замирает, а потом срывается вниз. Я медленно поднимаю голову и смотрю на просыпающийся город. Все как обычно, да не все.

Вероятность отцовства... — читаю вслух.

Глава 7

(Дмитрий Борзов) Борзый

Вероятность отцовства... — читаю вслух — девяносто девять и девять десятых.

Рука с листком опускается сама, а из горла вырывается сдавленный вопль. Прохожие косятся на меня как на идиота, а я он и есть.

- Идиот! — озвучиваю мысли, еще раз перечитываю документ, но ясности не прибавляется.

Я теперь отец шестилетней девчонки, а вот что с этим делать, к какому месту приложить — понятия не имею.

Перехватываю документ в левую руку и достаю мобильный.

Все на что меня хватает, это набрать юриста и выдохнуть одно слово: «Оформляй!»

Он свою работу сделает, а я? Мне надо переварить эту новость и...

«Начинать искать помощницу» — подсказывает внутренний голос, и, как ни странно, я знаю, кто мне в этом поможет.

Снова терзаю мобильный, листаю список контактов, пока не нахожу номер Савелия Вересова.

- Приветствую, Сав, — голос звучит слишком бодро, и Вересов это замечает.

- Ну, здравствуй, Борзый. Ты по делу или соскучился? — легонько подкалывает он.

- Соскучился, — поддерживаю его шуточку, — но и дело есть. Ты же у нас человек семейный, опытный, а мне няня нужна.

Ржание Вересова слышит весь Новосибирск, половина, так точно. Я даже трубку от уха убираю подальше, чтобы не оглохнуть.

- Няня? Тебе? Боюсь, мой круг общения не настолько широк. Ты там в себе?

- В себе, Сав, в себе, и твой круг общения мне теперь очень подходит. Дочка у меня объявилась. - Исповедуюсь старому другу, как на духу. - Шесть лет ей, и я в душе не представляю, что с такими принцессами делать. Ну и хата у меня, сам знаешь, под мужика заточена, а малявке же, наверное, комната нужна?

- Вот это номер, — Вересов берет паузу, и я терпеливо жду. - Комната — это база, Борзый, ну и мишки, куклы всякие, я так думаю. Ты уж не обессудь, у меня пацан растет, с ним проще. Хотя дети, они и все одинаковые. Общение, любовь, развлечения, мультики всякие, и да, книжки, книжек купи.

- Ясно, — растираю лицо ладонью, чувствуя, как, вроде бы отпустивший нервяк накатывает снова. - А няня там, или помощница? Есть кто на примете толковый? Ну, чтобы и дело знала и язык за зубами крепко держался?

- Найдем, — успокаивает Вересов. - Аська вернется с прогулки, спрошу, где она нашу нашла. Толковая женщина с Игорьком быстро общий язык нашла.

- Добро, жду. - Прощаюсь с другом и завершаю звонок.

Надо возвращаться в гостиницу, продлевать бронь и в детский дом сгонять обязательно. Как-то поговорить с девчонкой, что ли? Объяснить все, а то заявлюсь такой нарядный, и здрасте, любите меня, я твой папа.

Вызываю такси. Неизвестно откуда налетевший ветер пробирает до печенок, напоминая, что все-таки на дворе осень, и я застегиваю косуху под самое горло и запихиваю руки поглубже в карманы.

«Макс, когда узнает, что у него теперь сестренка есть, офигеет» — проскальзывает мысль.

В детский дом попадаю глубоко после обеда, потому что в гостинице никак не могли решить вопрос с номером, то он занят у них, то свободен. Устав от неопределенности, я положил на стойку новенькую хрустящую купюру и, о чудо, номер освободился!

Светлана Сергеевна, да, я все-таки выучил ее отчество, встречает меня, как старого доброго друга.

- Линочка только проснулась, сейчас пополдничают, и я ее приведу — щебечет она, а я замираю посреди комнаты, стены которой оклеены старомодными обоями в березку, и понимаю, что не готов я к этой встрече. О чем говорить? Что спрашивать?

Не знаю, сколько бы я еще бродил в жутких березках и своих мыслях, если бы не скрип двери и не слащавый голос воспиталки: «Вот, Линочка, папа к тебе пришел».

- Здравствуй, — кивает девчонка, а через секунду исправляется, заменяя окончание на «те».

На «вы», то есть она ко мне? Интересно. Стоит, спрятав руки за спину, и открыто меня, изучает. Ну, я тоже не теряюсь, прохожусь взглядом от ободранных носов белых туфель до смешных косичек. Не придумываю ничего лучше, чем сделать комплимент.

- Здравствуй, тебе очень идет это платье, — выдаю, а потом понимаю, что платье на ней самое обычное и, даже унылое, синее в клетку.

Утешаю себя тем, что все женщины любят комплементы, подхожу поближе к девочке и присаживаюсь на корточки.

- Как только будут готовы документы, я смогу тебя забрать. Поедешь со мной в Москву? Знаю, моя речь далека от классического «зайти издалека и подготовить», но как умею.

- Поеду. Мама говорила, что ты далеко улетишь. Москва далеко?

- С чем сравнивать — пожимаю плечами. Делаю вид, что фразу о матери не слышал.

- На самолете надо лететь? Как в Турцию? — не унимается малышка.

- Ну-у, поближе, конечно, а так да, как в Турцию. Слушай, — спешу поделиться внезапно пришедшей в голову идеей, — Пока я занимаюсь документами, напиши, все, что ты хотела бы видеть в своем новом доме, какую комнату, игрушки и... это... чем заниматься любишь? В садик ходила же?

На этом моя фантазия заканчивается, и я надеюсь, что Лина сейчас включится и поможет как-то, но девочка молчит.

«Блин, — рассуждаю — комплимент мимо, возможность страсти с внезапно объявившегося папаши побольше — тоже».

- Договорились? — протягиваю руку. - Беги к себе, доставай блокнот... У тебя же есть блокнот или тетрадь?

- Есть, — наконец-то откликается девчонка. - Альбом есть, только я писать не умею.

- Черт! - Хлопаю себя по лбу и тут же натыкаюсь на хмурый взгляд Лины.

Надо исправляться.

Запускаю мозг в режиме генератора идей и тут же нахожу выход: «Нарисуй! Рисовать умеешь?»

Девчонка кивает.

«Моя дочь не умеет писать, но умеет рисовать» — фиксирую на подкорке. Это же можно как-то использовать?

- Тогда рисуй, — отдаю команду, чуть касаюсь рукой тоненьких пальчиков, треплю по голове. Пытаюсь как-то наладить контакт, прочувствовать момент, короче, и ухожу, сбегая.

Неделя пролетает в бумажной волоките и беготне, и вот я снова стою у дверей детдома. Ко мне выводят Лину с большой спортивной сумкой, а еще, мне сразу пихают в руки альбом с рисунками. Сразу же в такси смотрим его вместе с дочкой, и я немного офигеваю.

- Что это? Тычу в приторно розовый лист.

- Комната, я хочу комнату, как у принцессы — объясняет Лина.

Глотаю горькую розовую пилюлю и переворачиваю страницу.

- А это?

- Это садик, детский — разжевывают мне, как последнему дураку.

- Ты хочешь сходить на балет? — пытаюсь расшифровать следующий рисунок.

- Нет! — смеется и мотает головой дочка — Я хочу научиться танцевать как мама.

«Не-е-ет!» — взрываюсь изнутри, но внешне ограничиваюсь закрытыми глазами.

Глава 8

Дмитрий Борзов

- Офигеть не встать! - Лис откидывается на спинку плетеного кресла, отчего то так жалобно скрипит, что того и гляди развалится. - Если бы кто другой рассказал — не поверил бы.

- Я и сам пока не до конца... — спотыкаюсь на полуслове, вспоминая, во сколько мне надо в детский сад сегодня, а вспомнив, выдыхаю, — кажется, что в сон какой-то попал, проснусь... а какого-то лешего не просыпается.

- Сколько? Неделя уже? - Лис морщится и трет лоб пальцами.

- Ага, — киваю, понимая, что эта неделя за два года идет.

Привез, обустроил комнату, не все, конечно, сделал, но основные требования выполнил. В садик тоже определил, одни танцульки остались и, честно говоря, спешить я с этим не собираюсь. Вертеть пятой точкой и трясти своими двумя высшими образованиями перед мужиками много ума не надо, да и зачем? Мать вон ее это ни к чему хорошему не привело.

- А эта? — друг щелкает в воздухе пальцами, пытаюсь вспомнить. - Мать ее, она как погибла? Надеюсь, без криминала?

- Ирэн? — переспрашиваю я.

- Ага.

- Я проверил лично, чисто все. Обычная авария, каких миллион. Не повезло — Пожимаю плечами.

- Суд-ба-а, — тянет Лис задумчиво.

- Как ни назови.

Обсуждать прошлое желания нет. Я за город сбежал, чтобы выдохнуть, дзен поймать, а не нагнетать.

- Ну а в целом, как? Справляешься?

- Ц-ц — дергаю уголок губ и продолжаю пялиться на сосновый лес за окном.

- Ясно, — не унимается Лис. - Помощницу нашел?

- Да, подогнали одну, но...

- Не подошла? — друг бежит вперед паровоза. Его моя ситуация зацепила и бодрит, а меня, наоборот.

- Много треплется и лезет, куда не надо. Не, тетка правильная, наверное, с понятиями, но ты же понимаешь? — наконец-то поворачиваюсь к другу. - Я не могу все разом изменить и не хочу. У меня дом, а не детский сад, а в доме главное, что? Простор и безопасность, а няня эта про какие-то зоны, потребности вещает и дружественную среду для ребенка.

Лис заливается конем, и его смех немного сбивает мое напряжение. Тянусь к чашке горячего чая, что странно пахнет смесью цитрусовых и хвои. Лис его «Таежным» зовет, а для меня адская мешанина, как есть.

Ежусь от разницы температур. Осенний холодок незаметно пробирается по скрипучим половицам веранды, оседает влагой на стеклах огромных окон и заставляет кутаться в ставшую за лето второй кожей косуху.

«Утепляться надо, — подвожу итог, и меня тут же догоняет еще одна мысль — А у Лины как с этим? Я сумку ее не разбирал, сама справилась, но по объему пуховик туда точно не влезет».

- Надо спросить — неожиданно произношу вслух. Лис хитро щурится, а я тут же отмахиваюсь — Да, дела в башке, кручу-верчу.

Друг относится с пониманием и под его протяжный «а-а-а», я залпом допиваю чай, а после и вовсе прощаюсь. Пока до города доеду, пока в агентство на нянь поглазеть заскочу, там и в садик пора.

Вот так, кропотливо, каждый день, я не без труда, вписываю в свою устоявшуюся годами жизнь новые заботы и обязанности. Не понял пока, что из этого получается, но ощущения, словно к жилетке рукава пришиваю.

- Па-а-п! — радостно несется мне навстречу дочка. Волосы растрепаны, глаза горят...

«А может, и выйдет что-то с той жилетки с рукавами?» — вздыхается внутри, когда Лина со всей своей детской силенкой и непосредственностью врывается мне в ноги и обнимает.

- Я узнала, где хорошие танцы! Вот — протягивает мне белый прямоугольник из бумаги, на котором простеньким шрифтом написано: «Виктория» Студия танца» — Она к нам сегодня приходила с девочками заниматься и оставила в раздевалке много-много таких бумажек.

- Хорошо, глянем, — еле сдерживаюсь, чтобы не помять визитку. - Нам как раз надо в магазин, одежду тебе какую-нибудь купить на осень-зиму. У тебя же нет?

Лина мотает головой, и грустно добавляет: «Дома были, а потом... мне тети вещи собрали и увели».

Ее слова неприятно и с нажимом что-то корябает в груди. Зря я спросил, знаю ведь, что съемная хата была и, скорее всего, вещи выкинули или растащили.

- Купим, — вырывается с хрипотцой, и рука как-то сама тянется, чтобы пригладить торчащие в разные стороны волосы.

Спустя два часа, мы с Линой выходим из магазина. Я — потный и уставший, она — счастливая и увешанная пакетами. Я пробовал забрать у нее сумки с покупками, не отдала, ползет теперь по парковке, как улитка. Улитка во всех смыслах: медленно и с огромной ношей за спиной.

- Если отдашь часть пакетов, заедем по тому адресу на визитке и поговорим о твоих танцах, — вылетает экспромтом, и я ощущаю себя мегаотцом и гением манипуляции одновременно.

Пакеты переключиваются в мои руки, а Лина, сморщив носик, проверяет молнию на новенькой розовой косухе, и продолжает путь к машине.

«Розовая косуха!» — закатываю глаза. Большого извращения я не видел, но девчонка вцепилась в нее, как в самую большую драгоценность в мире. У меня язык волдырями покрылся от количества аргументов, почему это не надо покупать, но все они разбились о тихое: «У тебя же такая есть».

- Теперь на танцы? — деловито уточняет Лина, когда я пристегиваю ремни детского кресла.

- На танцы, — вздыхаю. - Слово дал, значит, выполняю.

Студия с незатейливым названием «Виктория» находится в соседнем квартале и, в принципе, нам по пути. Заедем минут на пять, перетру с хозяйкой немного, потом Лина попрошу пробить, что за люди за ней стоят, а там...

«Решим. С нахрапа такие вещи не делаются». - отрезает внутренний голос, оставляя мне крошечную лазейку, чтобы соскочить.

Глава 9

Вика Сомова

- Блин, — выдыхаю, рассматривая расписанные из баллончика рольставни моей детской танцевальной студии. Понимаю, что авторы этого перфоманса те же люди, которые пытались оставить меня без клиентов, но легче от этого не становится.

«Элитная» — самое приличное слово из тех, что сейчас украшают белоснежный металл. Остальное — просто за гранью и с этим надо что-то решать, причем срочно. На часах девять и через полчаса начнут подтягиваться первые ученики, а здесь такое...

Подхожу ближе, тру пальцем кричащую надпись, пробую соскрести ногтем. Не помогает. Не пачкается, не размазывается и царапин не остается. Хорошая краска, одним словом, на совесть сделана. Немного времени еще есть, и мысленно я уже бегу в ближайший магазин стройматериалов за растворителем и тряпками.

«Нет, лучше за краской, яркой какой-нибудь! Точно» — радуюсь своей находчивости.

- Папа, пап! А что это за слово такое шле... шеле... — раздается за спиной тоненький детский голосок и я понимаю, поздно куда-то бежать.

- А ну-ка, отвернулась, на раз-два — гремит раскатисто, — папа сейчас здесь немного порешает, и домой поедет.

Разворачиваюсь на раз-два, практически выполнив команду, и утыкаюсь взглядом в черную косуху. Поднимаю голову выше, еще выше... дыхание перехватывает, а потом включается инстинкт самосохранения.

«Беги, Сомова!» — вопит внутренний голос, но ноги, как будто врастают в землю, в груди горит, то ли от недостатка кислорода, то ли от тягучего запаха кожи, смешанного с ароматом луговых трав, хвои и кофе.

Меня окидывают оценивающим взглядом, настолько наглым, словно его владелец имеет право на любую выходку и ему все сойдет с рук.

«Фиг вам!» — вздергиваю подбородок и зря, ой как зря.

Попав в капкан холодных, серых глаз, я снова перестаю дышать и замираю. С чего бы? Подумаешь, мужчина. Ну, да, высокий, симпатичный, упакованный, я таких миллион раз в клубе встречала. Богатые, распущенные, вытворяющие в вип-кабинках гадости! Сама я сразу от такого отказалась, даже в договоре с клубом заставила этот запрет прописать, но девочки в комнате отдыха всегда были неприлично болтливы.

- Все ясно — произносит папаша — Беги в машину, Лин, танцы отменяются.

- Ну, папа! Ты же обещал! — дуетса девочка, и я радуюсь возможности отвлечься от гляделок ее отцом. Малышка у этого хозяина жизни просто очаровательная. Длинные темные волосы, карие глазки-бусинки и ресницы такие... Я о таких всю сознательную жизнь мечтаю.

«Не в папу, определенно» — отмечаю, как факт.

- Марш в машину, я сказал! — чуть повышает голос мужчина и многозначительно смотрит на исписанные оскорблениями рольставни — это место нам не подходит, Лина.

- Ну отчего же? — встаю на защиту своего детища — не стоит отказывать ребенку в занятиях из-за всяких хулиганов. Сейчас все это уберем...

Я не успеваю закончить пропитанную ложным оптимизмом речь, потому что меня перебивают.

- Слишком информированные и воспитанные хулиганы — мужчина озвучивает то, что мне и так известно — А главное, ни единой ошибки... Выпускники грамматических курсов для гоп... — осекается он — или вуза для особо одаренных сидельцев?

- М-м-м, а вы в теме — смотрю на испорченные ставни, а потом на знатока жизни — Бывалый, значит.

- Борзый — отрезает мужчина.

- Оно и видно — бурчу себе под нос и отворачиваюсь, но этот мистер «я в курсе всего» все слышит.

- Совет на будущее, бесплатный, — произносит голосом, в котором явственно улавливаются раскаты грома — начиная новое, разберись с прошлым, иначе оно будет регулярно подкидывать тебе проблем.

- Спасибо — отвечаю не оборачиваясь и в этот самый момент понимаю, какая я все-таки дура. Нащупываю в кармане пальто ключи и решаю проблему надписей одним легким движением.

Рольставни с грохотом поднимаются, прячутся в коробе, а я становлюсь невольной свидетельницей перепалки между папашей года и его упрямой дочуркой.

- Мы уезжаем, Русалина! — пытается он прогнать девочку, а та изо всех сил упирается, мастерски надавливая на мужские болевые точки.

- Ты обещал! У нас в садике все сюда ходят, я узнавала! Они танец на выпускной готовят, и тетя им помогает, а мне не разрешают танцевать, потому что я не умею ничего.

- Почему ты мне не рассказала? — шепчет папаша, но так громко, что и прислушиваться не надо — Я бы решил все с воспитателем.

Качаю головой, уловив любимое такими вот богатеями «все решил бы». Ну да, у них все просто, и перехожу ко второму окну.

«Я прав, потому что у меня есть деньги» — вот их девиз, и плевать ему, на то, что его ребенок будет в этом самом танце, как корова на льду. Удивительно, что девочка не пошла по его стопам, не топает ножкой в саду, а идет учиться.

Открывая ставни, прячу позорную надпись и прикидываю, что закрашивать все это безобразие лучше всего ночью.

- Ну вот, если не передумали, проходите — оборачиваюсь ко все еще препирающимся отцу и дочери и улыбаюсь.

- Спасибо, но мы... — раздраженно начинает мужчина, но маленькая хитрюшка его опережает.

- Отлично! Пойдем, папа, ты все посмотришь и убедишься, что это хорошие танцы — произносит она и, пока тот стоит и скрипит зубами, быстрым шагом идет к двери.

- Меня Вика зовут, Виктория Сергеевна, а тебя? — я протягиваю руку для приветствия.

- Русалина Дмитриевна — жмет мою ладонь девочка.

- Ого, какое прекрасное имя — не сдерживаюсь я.

- Обычное — влезает в разговор горе-папаша и обращается к дочери: — у тебя пять минут Лина, а потом мы уезжаем. Без вариантов, потому что я так сказал.

Резкий тон, фраза-команда... Даже я замираю в страхе послушаться.

- А мама бы меня поддержала и воспитательница тоже! — внезапно громко выкрикивает девочка — Верни меня обратно в детский дом!

Глава 10

(Дмитрий Борзов) Борзый

Они танцуют. Ну как танцуют, тянут ноги у станка возле зеркальной стены, повторяют какие-то шаги, руками машут, а я как идиот смотрю в щели между жалюзи — единственное, что разрешили.

- Дети должны чувствовать себя свободно, пробовать, ошибаться без контроля и осуждающих взглядов, — заявила танцорша с видом кандидата наук.

Закатив глаза, я, конечно, попытался прорваться в зал, скинул куртку, но в дверях в мою грудь твердо уперлась ладонь девчонки.

«Соплячка, а настырная, — ухмыльнулся и сделал шаг назад. — твоя взяла, но это временно».

Лина в очередной раз делает крутой разворот, сбивается с ритма, путает ноги, но училка ее терпеливо поправляет, показывает в замедленном темпе, как все должно выглядеть.

Танец матрешек, если я правильно слышу сквозь музыку. Красиво получается. Длинные ноги танцорши, обтянуты какими-то блестящими колготками, на бедрах при каждом движении закручивается тонкая вуалька и топик в обличку... Нет, сам танец отстой, но двигается училка зачетно. Выписывает, как балерина, и даже деревянные движения игрушки в ее исполнении завораживают.

Мотаю головой и перевожу взгляд на Лину. Я с дочкой сюда пришел, а не на всяких девок, танцующих пялиться. Чуть отодвигаю металлическую полоску жалюзи, открывая себе обзор, и смотрю на дочку. Старается. Сжав губы, повторяет шаги под счет, получает первую порцию похвалы и расцветает, а дальше понеслось...

Пять минут незаметно превращаются в полчаса, потом в час. Девчонкам становится жарко и они открывают в зале окно. Мне тоже жарко, но я этого не замечаю. Любуюсь на танец, даже где-то повторяю дурацкие «раз, два, три».

- Тьфу! — срываюсь и осмотревшись, понимаю, что давно не один в холле. Видимо, не всех учеников испугали похабные надписи и, у самой двери, перешептываясь, уже толпится группа подростков.

- На сегодня достаточно, — долетает до меня, как только музыка прекращается. - Ты большая умница, Лина, три-четыре занятия и догонишь девочек.

- А в садик придете? — с надеждой спрашивает дочка, и я стискиваю зубы.

- В садик приду, в четверг. Можешь попробовать в группе и если не получится, то, как я и говорила, три-четыре занятия...

Дергаю ручку и толкаю дверь.

- Нам пора, Лина! — рычу, смотрю на плясунью, а та улыбается, словно подарку судьбы.

- У Линочки отлично получается, — или не понимает, или нарочно игнорирует мое состояние она. - Стоимость абонеента у нас в проспекте указана, следующее занятие в пятницу в это же время.

- Мы не придем.

- Ну па-ап, давай придем, у меня уже получается! - Нападает на меня дочка, но я не намерен уступить.

Выключаю все органы чувств, разворачиваюсь и иду к вешалке. Там, среди прочей одежды висит моя куртка и розовая косуха Лины.

Одеться и уйти, два слова, два действия, вот только реализовать их в том гвалте из «я хочу и почему» сложнее, чем план Барбароссы.

- Подумаем, — выдавливаю еще одно слово, в надежде снизить градус бубнежа.

- Да, подумайте, — влезает со своей доброжелательностью танцорша. - Лина, посоветуйся с папой и мамой дома, уверена, вы договоритесь.

Последнее слово произносится с таким нажимом, что только идиот не догадается, кому оно адресовано. Ну, конечно, возомнила себя... Кем? Прямой Большого театра? Надписи на дверях салона красноречиво намекают на это, прима и есть, да, только немного в другом театре.

Игнорирую. Прощаюсь.

Может считать меня хамлом, по фигу. Я не сдобный пряник всем нравится, а с ребенком своим сам разберусь, без помощниц.

Первую половину дороги до дома едем молча.

Дочь хмурится, комкает пальчиками край джинсовой юбки и молчит. Вижу, как хочет высказать мне все, но до шантажа дело не доходит. Едва мы выбираемся из города на трассу, она находит мое отражение в зеркале заднего вида и задает главный вопрос: «Почему ты не хочешь, чтобы я танцевала?»

- Просто не хочу, — прокручиваю руль до хруста и зачем-то перестраиваюсь в средний ряд.

- Так не бывает, — мотает головой Лина.

- А у меня бывает, — привычно пытаюсь продавить интонацией и перестраиваюсь обратно в крайний ряд. Слабый аргумент, никакущий. По факту, в этом споре я скатываюсь на детский уровень.

- Мне понравилось, — вздыхает дочка и отворачивается к окну. - Если бы ты посмотрел, тебе бы тоже понравилось.

- Я очень люблю боевики и бокс, — захожу с тылов. Вру, конечно, бокс не люблю, но так звучнее получается. - Я что, по-твоему, должен носиться по городу, палить вкруговую из огнемёта и бить всем морд... лица?

- Ну... — проигрывает Лина. - В танцах не дерутся. Я хочу танцевать, как мама.

- А я поэтому не хочу! - Бомбит меня, и я срываюсь, выдавая ту самую правду, что вертелась у меня на языке, как только увидел её в детском доме.

- Ты из-за этого от мамы ушёл? — выстреливает очередным вопросом дочь, а я оказываюсь не готов. Знал, что когда-нибудь спросит и придется рассказать все как есть.

«Но не в шесть лет?!» — бунтует внутренний голос, и я снова с ним соглашаюсь.

Съезжаю на обочину и жму на тормоз. За окном начинает темнеть, и это даже на руку, проще, когда не глаза в глаза.

- Нет. Просто не сошлись характерами.

- Она тоже так говорила, — тихонько отзывается Лина.

- Что еще она говорила? - Решаю, раз начал, то надо добивать.

- Ничего. Она много работала, чтобы у нас все было — объясняет Лина спокойным голосом, но от этого спокойствия сводит зубы и сердце щемит, как на пожаре. - В выходные мы ходили в городской парк, катались на каруселях и разговаривали, а еще, она учила меня танцевать. Говорила, что если буду каждый день тренироваться, смогу стать великой балериной.

- Твою же налево, — цежу сквозь зубы.

- В Москве же есть школы для балерин? - Лина вытягивается, пытаюсь в полумраке поймать отражение в зеркале и рассмотреть мое лицо.

- Понимаешь, — так сильно смотрю в окно, аж шею сворачиваю. - Это серьезно все, это выбор. В жизни как, выбрал что-то, хоть те же танцы, и идешь по тропинке все дальше и дальше. А дальше... — подбираю слова, — и лес гуще, и волки жирнее. И вот идешь ты, стараешься, волков разгоняешь и хорошо все... а потом бац и устал, но к этому времени вокруг твоей тропинки уже колея выше некуда. Вот тогда ты и понимаешь, что с этой самой дорожки уже ни свернуть, ни выпрыгнуть. Идешь по накатанной, идешь... а потом полная жо... за...

тупик, в общем, тупик номер пять. Так что с умом выбирать надо, Лин, с умом. Что хорошего дали танцы твоей матери?

Глава 11

Дмитрий Борзов

Лина больше не задавала вопросов, и я очень надеялся, что за два дня, оставшихся до пятницы, забудет и про танцы, и про все, что я наговорил там на обочине. Тем более, в четверг нам новую няню обещали. Как-никак яркое событие, а значит, всякую шелуху, вроде танцев вытеснить должно. Вот только откуда мне было знать, что вытеснять придется как раз эту самую няню и не откуда-то, а из моего дома.

- Здравствуйте, — отчеканила женщина, жутко похожая не Фрекен Бок, как только я открыл дверь.

- Добрый, проходите, — буркнул, предчувствуя неладное и не зря, потому что дальше понеслось.

- Я Анна Викторовна, няня из агентства. Где ребенок? — женщина, упакованная в старомодный драповый костюм, уверенно прошла до середины гостиной и осмотрелась.

- В комнате спит еще.

- Хм, в одиннадцать? - Фрекен Бок недовольно взглянула на часы аж два раза.

- Ну да, садик сегодня пропустили, почему бы не...

- Режим — произнесла так, словно я малолетка желторотый, — основа гармоничного развития ребенка.

И все бы ничего, но когда она подняла указательный палец и фактически скомандовала, что подъем в любой день недели у нас будет в шесть ноль-ноль, я взорвался.

Нет, я не нагрубил и даже не повысил голос. Просто попросил ее пойти... в агентство вернуться, короче, и привет им передать пламенный. Договор с ними разорву позже, толку от них, похоже, как от некоторых рогатых. Ну или это они от меня таким образом решили избавиться, а что, вполне себе рабочий способ, не в глаза, а вот так, тихим саботажем требований.

Разорвать-то разорвал, но без особой радости, вопрос с помощницей остался не решенным.

- У-а-а-а! — взвыл и растер лицо ладонями, взъерошил волосы. - Без двухста грамм кофе не разобраться.

Пока я боролся с кофемашиной, именно сегодня решившей, что ей нужна чистка, проснулась Лина. Я слышу, как она шлепает по полу босыми ногами, как шумит вода в ванной.

- Доброе утро, — заглядывает она на кухню через десять минут и смешно принохивается.

«Завтрак!» — луплю себя по лбу и, бросив кофеварку, достаю с верхней полки коробку с кашей.

- Опять овсяная?

- Да, дочь, пока так. Как найдем няню, будут разносолы.

- Понятно, — тянет Лина и, судя по звуку отодвигаемого стула, садится за стол. -Завтра на танцы, ты помнишь?

- Помню, — выдыхаю и принимаюсь неистово размешивать кашу и сахар в тарелке.

Жизнерадостная тетка, нарисованная на коробке, заверяет, что овсянка будет готова через три минуты.

- Проверим, — жму на кнопку микроволновки, а в голове только чертовы танцы.

Не проходит и десяти минут, как Лина всюю уплетает кашу, а я хлебаю горячий кофе и с гордостью за всем этим наблюдаю. Справился же? Вон, как ложкой стучит.

Потом мы дружно ищем, во что переодеться, не разгуливать же по саду в пижаме, яблоки собираем, листья всякие, дрессируем прифигевшего от такой наглости Беса, кормим его, а потом...

А потом наступает пятница, и, как бы все мое нутро ни противилось, я все-таки везу Лину на танцы.

Что что-то не так, я замечаю, как только поворачиваю на улицу. Возле здания, где находится студия, толпятся люди и стоит полицейская машина.

- Ёжик кот, — ругаюсь вполголоса, но дочка все слышит и нервно ерзает в детском кресле.

- Что там, пап? А? — тянется она.

- Ничего, сиди спокойно, — командую, а у самого в голове бешено крутятся шестеренки.

Предусмотрительно припарковавшись на другой стороне улицы, я осматриваю себя, и, мысленно благодарю высшие силы, за то, что надоумили меня одеться посolidнее. Белая рубашка, классические брюки и пальто — весомые аргументы в беседе с полицейскими.

- Сиди тихо, — повторяю дочке и выхожу из авто.

На этот раз, испорченными жалюзи дело не обошлось, хулиганы, действовали смелее. Логично, конечно, отсутствие ответки за первый раз развязывает руки. Результат: искореженный металл, битые стекла и краска, снова она родимая.

- Здравствуйте, — нарочито громко приветствую толпу у входа и по тому, как мне вяло кивают и бурчат что-то похожее на «день добрый», понимаю, что отвечать за это безобразие снова никто не будет.

Проскользнув мимо лениво опрашивающих свидетелей полицейских, захожу в салон и сразу натываюсь на хозяйку.

- Сегодня занятий не будет, — мазнув по мне взглядом, отвечает танцорша и, взяв веник и совок, принимается за уборку. А для уборки здесь поле непаханое: стекла, мусор, камни какие-то.

- Ты же понимаешь, что это не шпана чудит? — спрашиваю и подпираю спиной дверной косяк.

Молчит, шмыгает носом и упорно скребет пол метелкой.

- Тогда второй вопрос, на тебя уже выходили, что-то предлагали?

В ответ, к монотонному «вжих-вжих» добавляется кивок. Тоже хорошо, наши хулиганы имеют лицо, а значит, у них есть цели.

- Что предлагали? Требовали, пугали? Что?

- Продать просили, — не поднимая головы и, не прекращая уборки, отвечает танцорша, а потом, бросив, и совок, и веник, срывается на меня — А вам то с этого что?! Вам это место не подходило, не хотели дочку водить, так считайте, ваши молитвы были услышаны!

- Мне по барабану, права, — отталкиваюсь от косяка и, спрятав руки в карманы, подхожу поближе к психованной. - И танцельки ваши не одобряю, так, развлечение для скучающих девочек, но несправедливость не люблю до изжоги, а еще, когда взрослые дяди против слабаков и баб воют.

Прохожусь по студии, прикидываю масштаб бедствия и цену этой забегаловки. Кому это могло приглянуться?

- Сколько обещали за твою каморку? — интересуюсь и наблюдаю через стекло, как стражи порядка пакуются в машину и собираются уезжать.

- Пятьсот, — танцорша устало выдыхает и бросает на пол веник с совком. - Пятьсот за это все! У меня на ремонт больше ушло, а разрешений всяких столько...

На секунду мне даже становится жаль ее. Смотрю, как она садится на стул, как обхватывает руками голову. Вика, вроде? Могу ли я ей помочь? Да. Хочу ли? А вот это интереснее, потому что не знаю, за что и перед кем вписываться, и лишние проблемы мне сейчас не нужны. У меня вон, дочь в машине сидит и опека, как к себе домой ходит.

- Я на эту студию пять лет как проклятая работала, — выкладывает правду-матку Вика.

- Все вложила, кредит взяла, думала, по-человечески работать буду...

- Закрывайся и отменяй занятия. — командую я. Чувствую, что потом обязательно об этом пожалею, но... - Документы на помещение с собой?

- Дома, здесь копии, — поднимает голову и смотрит на меня своими щенячьими карими глазками.

- Жду в машине, мне нужны оригиналы.

- Зачем?

- Затем, Вика, что я единственный, кто может тебе помочь, но пока не вижу веских причин для этого.

Глава 12

Вика Сомова

- Верейская пятьдесят четыре, — называю адрес, как только застегиваю ремень безопасности, и мы трогаемся с места.

Я еду на машине того самого мужика, что несколько дней назад брезгливо осматривал мою студию и категорически отказывался водить дочь на танцы. Похоже, дождала его дочурка. Украдкой бросаю взгляд на мужчину. Он ведь даже не представился или...

Вроде как что-то... Наглый? Резкий?

«Борзый!» — проносится в голове и я и тут же начинаю сомневаться. Это ведь не имя, и не фамилия. Прозвище? Или, как говорят такие как он, — погоняла?

Да, какая разница уже. Плевать, вот честно, я и так всю неделю чувствую себя героиней какого-то фильма о 90-х. Передел бизнеса, погромы, рейдерские захваты. Стрельбы не хватает, и слава богу, зато всего остального хоть продавай.

Моя студия разгромлена, полиция для галочки отработала вызов, а я впервые в жизни стояла посреди зала и не знала, за что хвататься. Отправила домой тех немногих учеников, что удалось сохранить, взяла в руки веник и...

Пришел он.

Поправляю ворот куртки, отряхиваю пыль с джинсов, видимо, приложились где-то, пока металась по залу, и смотрю в окно. Мимо мелькают знакомые улицы, здания.

Доверять ли этому Борзому? Не знаю.

Едем вроде правильно, значит, бояться нечего. Разве что тех людей, которые хотят выкупить у меня помещение. Они уже не остановятся, и, в конце концов, либо разгромят все до основания, либо... какая разница, если итог один — студии у меня больше не будет, а с этим, Борзым, есть хоть какой-то шанс. Я надеюсь что есть.

- Пап, а мы куда едем? В гости? — слышу детский голос с заднего сиденья.

- Ага, в гости, — отвечает мужчина, не отвлекаясь от дороги, и тут же спрашивает — Они тебе звонили?

Не сразу понимаю, что обращаются именно ко мне. Эмоций столько, что не переварить и, видя мою отрешенность, Борзый повторяет вопрос: «Тебе кто-то звонил? Что-то говорили, требовали?»

- А? Да, звонили, просили продать и все. — пожимаю плечами и первый раз решаюсь открыто взглянуть на мужчину.

Он сегодня выглядит солидно, пальто, костюм, но пахнет все так же, как при первой встрече. Тонкие нотки кофейных зерен приятно щекочут нос, я морщусь и тру его ладонью, чтобы не чихнуть.

- Вот еще! - Хлопаю руками по коленкам, — они говорили про какой-то «Бьюти Сезон» расширяться, и мое помещение нужно именно для этого.

- Уже что-то, — не поворачивая головы отвечает Борзый и замолкает. Я успеваю рассмотреть всю приборную панель его шикарной машины, а он молчит...

Молчит, пока едем по трассе, когда заезжаем в нужный район, и только когда останавливаемся возле моего дома, я слышу скупое — жду. Выскакиваю из машины, на ходу заправляя растрепавшиеся волосы за ухо, и бегу за документами. Сможет помочь — отблагодарю, не сможет, — продам студию, закрою ипотеку и...

«В клуб на подтанцовки, Сомова» — внутренний голос озвучивает то, в чем я сама себе боялась признаться.

Дмитрий Борзов (Борзый)

- Закрой ушки, Лин, — командую дочери, как только точеная фигурка танцорши скрывается за обшарпанной подъездной дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.